

Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех?¹

М. Петрик

Мартин Петрик, профессор, доктор наук, декан по учебной работе Университета им. Юстуса Либиха в г. Гиссен (ФРГ), приглашенный исследователь Института сельскохозяйственного развития в странах с переходной экономикой им. Лейбница (IAMO) (г. Галле, ФРГ); Зенкенбергштрассе 3, Зейгхаус 35390 Гиссен Германия. E-mail: martin.petrick@agr.uni-giessen.de

Любовь Александровна Овчинцева (переводчик), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского д. 82, стр.1. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

Аннотация. В докладе, сделанном автором на научном семинаре «Аграрная реформа в странах бывшего СССР» Центра аграрных исследований Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 24 ноября 2021 года, озвучены результаты сравнительных исследований хода и итогов аграрных реформ в странах постсоветского пространства. На базе обширного анализа литературных источников, данных международной и национальной статистики автор демонстрирует изменение траектории процесса реформирования аграрного сектора в различных странах, возникших на постсоветском пространстве, выявляет факторы, повлиявшие на изменение первоначального замысла реформ и достигнутые к настоящему времени результаты, часть из которых в некотором смысле можно считать парадоксальными. Отмечается важное значение институциональной и внутренней политической парадигмы, на фоне которой идет реформирование. Не меньшее значение имеют и преобладающие отрасли аграрной экономики каждой страны, неизбежно диктующие оптимальное экономическое русло для развития аграрного сектора. Эмпирический анализ, проведенный автором, подводит и к некоторым вопросам, остающимся открытыми, например, возможно ли с помощью реформ перешагнуть через ступеньку эволюции аграрного развития, или насколько устойчивы экономические формы, складывающиеся в масштабах той или иной национальной экономики.

Ключевые слова: итоги аграрной реформы, постсоветские страны, результаты приватизации земли, реорганизация колхозов, роль фермерских хозяйств

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-103-130

1. Перевод подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Когда началось реформирование аграрного сектора в странах, возникших после распада советской системы, все ожидали, что колхозы и совхозы будут реорганизованы в фермерские хозяйства. Однако сейчас уже очевидно, что процесс реформирования пошел двумя путями. В постсоветских странах, расположенных на территории Европы и в Казахстане, наряду с фермерскими хозяйствами сформировались крупные частные предприятия, причем именно они стали доминировать. Инвестиции, направленные в сельское хозяйство этих стран, способствовали росту производительности труда и сокращению занятости в аграрном секторе, и такой путь развития можно назвать «вестернизацией» или «западной ориентацией». А в странах Закавказья и Центральной Азии распределение всех земель совхозов и колхозов между фермерскими хозяйствами не привело к существенному повышению производительности труда, результатом чего явилось снижение доходов сельского населения. Этот путь развития можно назвать движением в сторону Глобального Юга, «южанризацией» или «южной ориентацией». В перспективе аграрная политика в этих странах должна способствовать созданию альтернативных источников дохода в сельской местности, а также обеспечивать гибкость и прозрачность процесса консолидации фермерских хозяйств.

Сразу же после распада Советского Союза начались дискуссии о реформировании аграрного сектора и его реструктуризации, которые продолжаются и по сей день. В качестве наследия советской эпохи новым независимым государствам, расположенным на всем пространстве от Прибалтики до Дальнего Востока, достались многочисленные совхозы и колхозы.

Следующие три десятилетия политики, ученые, директора сельхозпредприятий и их работники были вынуждены заниматься реформированием предприятий таким образом, чтобы встроиться в создаваемые национальные модели рыночной экономики.

Накануне краха советской системы в аграрном секторе было занято более четверти трудовых ресурсов, что значительно превышало аграрную занятость в западных странах (Lerman et al., 2004: 14). И хотя все считали постсоветский аграрный сектор трудоизбыточным, неэффективным и импортозависимым, однако всем также был очевиден масштаб его ресурсов для развития земледелия и производства кормов. Это обусловило приток инвестиций, ориентированных как на покрытие внутреннего спроса, так и на экспорт. Притом результаты приватизации и развитие земельного рынка до сих пор являются спорным политическим вопросом (Pryor, 1992).

В работе Ю. Кислева и В. Петерсона (1982) описано семейное фермерское хозяйство, которое многие западные экономисты сочли образцом реформирования. Поскольку преимущества фермерских хозяйств с точки зрения использования технологии и инно-

ваний и размещения производства были очевидны, международные консультанты рекомендовали делить имущество бывших колхозов и совхозов между хозяйствами фермеров, чтобы таким образом вернуть контроль и права собственности производителям, повысить стимулы к повышению производительности и сокращению операционных издержек этих хозяйств (World Bank, 1992: 69–77; Lerman et al., 2004: 49–51).

В последующие годы постсоциалистические страны использовали разные политические механизмы приватизации и реформ в целом, что, по сути, превратило их в экспериментальные площадки по реформированию аграрного сектора. К концу первого десятилетия трансформации констатирован заметный рост производительности в сельском хозяйстве стран Центральной и Восточной Европы благодаря реституции земли, росту арендной платы на землю и финансовому оздоровлению крупных хозяйств (Swinnen, Rozelle, 2006). Еще больший рост был зафиксирован в Восточной Азии, а именно в Китае, где в результате реформы прав собственности возникли миллионы крестьянских семейных ферм.

По сравнению с этими двумя группами стран результаты реформ в постсоветских странах, образовавших Содружество Независимых Государств (СНГ), выглядели скромно. В богатых землями европейских и большинстве центральноазиатских стран СНГ реформы шли медленно, реформирование прав собственности буксовало, а показатели объемов производства и производительности снизились еще больше. Сельские сообщества нередко выступали за продолжение ведения коллективного сельского хозяйства, что очевидно противоречило западным моделям реформ. В тех случаях, когда политические условия позволяли открытое обсуждение, например, в России, политики и ученые высказывали диаметрально противоположные мнения относительно желательной модели реформирования, что часто вело к торможению процесса реформ и политическому тупику (Van Atta, 1993; Wegren, 2005: 52–59).

В своем выступлении мне хотелось бы показать результаты земельной реформы и изменения производительности в постсоветском сельском хозяйстве в ходе последних двух десятилетий. Этим исследованием я проверяю сформулированную ведущими учеными гипотезу о том, что укрепление прав собственности и передача земли фермерским хозяйствам являются ключевыми факторами повышения производительности сельского хозяйства в странах бывшего Советского Союза. Таким образом, возникают следующие вопросы: удалось ли странам СНГ за время второго и третьего десятилетия реформ добиться того, что страны Центральной Европы и Восточной Азии достигли за первое десятилетие реформ, как это предполагали Й. Суиннен и С. Розелл (Swinnen, Rozelle, 2006: п. 184). Как продвигалось реформирование сельскохозяйственных предприятий

и какую роль оно сыграло в росте производительности? В каком виде сформировались долгосрочные тенденции развития аграрного сектора? Как следует оценить первоначальные ожидания относительно результатов передачи земли фермерским хозяйствам и какова их роль в процессе реформ?

Для эмпирического анализа мною использованы показатели затрат и производства продукции сельского хозяйства на национальном уровне, опубликованные международными агентствами, а также актуализированные данные национальных статистик, характеризующие реформирование сельскохозяйственных предприятий и отсутствующие на сегодняшний день в англоязычных источниках. Хотя детальный эмпирический анализ на микроуровне выходит за рамки задач моего исследования, я все же привлекал, где это возможно, данные более глубоких и детализированных локальных исследований, опубликованные в последнее время.

В опровержение предположения о том, что во всех странах реформирование будет идти исключительно в направлении развития частных фермерских хозяйств, я утверждаю, что за последние два десятилетия большая часть постсоветских стран разделилась на два кластера, различающихся по направлению реформирования в сельском хозяйстве. В один кластер входят европейские страны СНГ и Казахстан, в которых сельскохозяйственные корпорации соседствуют с семейными фермами, при этом рабочая сила из сельского хозяйства перемещается в другие сектора экономики, а благодаря притоку капитала растет производительность труда. Такой путь развития я называю «вестернизацией», или «западным» путем трансформации постсоветского сельского хозяйства, поскольку это напоминает структурные изменения, наблюдавшиеся во многих западных странах (например, в США) (Sumner, 2014).

Другой кластер образуют страны Закавказья и остальные страны Центральной Азии, в которых коллективные предприятия почти полностью распались на фермерские хозяйства. Этот процесс способствовал росту занятости в аграрном секторе, а фактор роста производительности, обычно связываемый с образованием частных фермерских хозяйств, не привел в этих странах к повышению производительности труда, что, в свою очередь, дало снижение доходов сельского населения и сохранение очагов бедности. Такой процесс можно назвать «южным», имея в виду модели сельского хозяйства с избыточной занятостью, которые мы видим на Глобальном Юге (Gollin et al., 2014).

Я хотел бы вернуться к определению «частного фермерского хозяйства» в контексте дискурса о постсоветских реформах в новейших публикациях, в которых показано, что небольшие фермы, как правило, не оправдывают ожидания представителей среднего класса с точки зрения возможных доходов, которые они могут

приносить (Adamopoulos, Restuccia, 2014; Gollin, 2018). В отличие от большинства авторов, высказывавшихся о постсоветской реструктуризации фермерских хозяйств, с учетом этой более поздней тенденции я пришел к выводу, что, если оценивать по критерию производительности труда, семейное фермерское хозяйство выглядит не столь привлекательным результатом реформ. На основе обзора литературы, посвященной результатам аграрного реформирования на постсоветском пространстве, я определил направления для дальнейших исследований.

Свой доклад я начну с анализа ожиданий, которые эксперты из разных стран высказывали в начале постсоветского реформирования колхозов и совхозов. После раздела, в котором представлены собранные мною показатели и данные, будет продемонстрирована динамика объемов производства и производительности, а также результаты создания частных фермерских хозяйств и земельной реформы. Далее следуют агрегированные данные по странам и обзор публикаций о более глубоких исследованиях. После анализа основных стимулов и барьеров процесса реформирования будет дана общая оценка реформирования аграрного сектора.

Ожидания от постсоциалистического реформирования сельского хозяйства

В начальный период перехода от социализма советского образца к капитализму большинство влиятельных западных советников полагали, что суть реформирования сельского хозяйства состоит в том, чтобы создать небольшие семейные фермерские хозяйства, основанные на частной собственности на землю и интегрированные в либерализованную рыночную среду. Сторонники таких реформ, многие из которых были связаны с Всемирным банком, утверждали, что коллективизация как стратегия экономического развития исторически потерпела неудачу (Johnson, 1993) и что укрепление права собственности на землю, а не сохранение коллективных хозяйств, будет стимулировать инвестиции в отрасль (Stiglitz, 1993). Семейные фермы сравнительно небольшого размера имели бы меньше проблем с организацией управленческого контроля над процессом производства и работниками (Schmitt, 1991; World Bank, 1992; Stiglitz, 1993). Экономическое превосходство семейных ферм, управляемых собственниками, подтверждалось значительным объемом данных международной статистики (Binswanger, 1995), а опыт прошедших ранее реформ 1980-х годов в Китае и Вьетнаме показывал, что в результате деколлективизации и уменьшения размеров предприятий можно ожидать быстрого роста производства (Lerman, 1998).

Сами же реформаторы вопреки «теории семейных фермерских хозяйств» всего лишь рекомендовали переход к индивидуально-

му фермерству как крайне желательный. И таким образом «переходный период» развязал конкуренцию между бывшими колхозами и их формальными преемниками, с одной стороны, и появляющимися частными фермерскими хозяйствами, с другой. Но и в этих условиях стремительное развитие фермерских хозяйств было бы эволюционно неизбежно, если бы этот процесс не был заблокирован вмешательством государства, сохранявшего статус-кво, на что указывали некоторые ученые (Binswanger и др., 1995; Sarris и др., 1999). Исходя из таких предпосылок делался вывод, что все страны, вступающие на путь передачи земель совхозов и колхозов фермерам, ощутят быстрый рост производительности в сельском хозяйстве (Lerman, 1998: 311; Lerman, 2017; Lerman, Sedik, 2018). Таким образом, цель «переходного периода» была четко определена (Lerman et al., 2004: 49–51).

В то же время многие ученые предвидели значительные трудности, с которыми столкнется деколлективизация. Их диапазон варьировался от отсутствия гарантированных рынков продукции и ресурсов, затрудненного доступа к кредитам, проблем с управлением рисками до социальных и политических факторов, таких как отсутствие предпринимательских навыков у крестьян и сопротивление работников, а также политиков из-за идеологических установок или корыстных интересов (Pryor, 1992: 265–295). Название изданной в 1993 году книги под редакцией Дейла Ван Атта «Фермерская угроза — политическая экономия аграрной реформы в постсоветской России» прекрасно показывает, какое политическое сопротивление встречают столь масштабные перемены в формах организации сельского хозяйства.

Система показателей и источники данных

Подобно Суиннену и Розеллу (Swinnen, Rozelle, 2006: 13–14) и большей части исследователей переходной экономики, я опираюсь на динамику объема производства и производительности как на ключевые показатели эффективности реформ в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство производит сырье для других отраслей и продовольствие, которое удовлетворяет насущные потребности человека, успехи в сельском хозяйстве способствуют росту доходов сельского населения и позволяют получать доходы от экспорта. Комплексным индикатором экономически успешной реформы является изменение общей факторной производительности (TFP), но из-за ограниченности данных я использую производительность труда в сельском хозяйстве как критерий эффективности использования факторов и как ключевой показатель потенциала получения дохода (Gollin et al., 2014; Gollin, 2018).

При изучении процесса приватизации земли мы также оценили ее перераспределение. Приватизация и образование фер-

мерских хозяйств в принципе способствуют более равному доступу к ресурсам, если этот процесс в ходе земельной реформы сопровождается перераспределением земли (Lipton, Saghai, 2017). Заметим, что земельная реформа как таковая вовсе не гарантирует, что у каждого бенефициара есть справедливый шанс получить свою долю и что весь процесс происходит прозрачным образом (см., например: Allina-Pisano, 2008). Оценка воздействия реформирования на окружающую среду и доступ к иным ресурсам в целом выходит за рамки данной статьи. Упомянем лишь, что экономический спад в ходе переходного периода привел к повсеместному сокращению производственных ресурсов и появлению больших площадей заброшенных пахотных земель (Schierhorn et al., 2013).

Для анализа мною использованы индексы производства продукции сельского хозяйства на уровне стран, опубликованных Статистическим отделом Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), т. е. индексы валового производства сельского хозяйства каждой страны (ФАО) (2014–2016 гг. принят за 100) (2021 г.). Продукция сельского хозяйства включает показатели валовой продукции сельского хозяйства (ВПСХ), растениеводства и животноводства. Валовая продукция растениеводства не включает семена и корма, но включает технические культуры. Валовая продукция животноводства — обработанные молочные продукты и технические продукты животного происхождения, такие как шерсть или шкуры. Индексы рассчитаны от показателей объемов, взвешенных по базисным (твердым) международным ценам 2014–2016 годов. Эта процедура позволяет избежать влияния колебания обменных курсов, внутренней гиперинфляции или контроля над ценами.

Кроме того, я использую данные о количестве и доле занятых в сельском хозяйстве, рассчитанные Международной организацией труда (МОТ) и опубликованные в Индикаторах мирового развития Всемирного банка (World Bank, 2020). Затраты труда характеризуются расчетными оценками МОТ занятости в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве и рыболовстве.

МОТ не дает достаточно детальную информацию о том, как осуществляются расчеты для конкретных стран. Не исключено, что затраты труда в сельском хозяйстве оцениваются по-разному в разных странах и почти наверняка включают в себя условно исчисленную стоимость. Проблема сопоставимости данных может возникнуть, если работники считаются занятыми полный рабочий день, тогда как фактически они тратят часть своего рабочего времени на другую деятельность, если они временно мигрировали в города или за границу. Также в официальной статистике может занижаться неформальная занятость или принудительный труд. В первом случае недооценивается производительность труда в сельском хозяйстве; во втором переоценивается. Для даль-

нейшего обсуждения проблем измерения затрат труда в сельском хозяйстве в странах с переходной экономикой см.: (Суиннен и Розелл, 2006: 26–27). Данные о рабочей силе невозможно разделить по разным типам хозяйств. Но моя основная цель — изучить динамику использования рабочей силы в разных странах. Хотя я и осознаю, что такой подход может скрывать внутристрановые различия, например, в некоторых странах могут наблюдаться региональные различия в траекториях реформирования фермерских хозяйств, аналогичные тем, которые представлены ниже в сравнении стран.

Для получения необходимых числовых рядов индексы были пересчитаны, что дало представление о динамике объемов производства и производительности за три десятилетия с начала реформ.

Наконец, нами рассчитаны данные о землепользовании по типам хозяйств на основании данных национальной статистики стран всего исследуемого региона. Хотя терминология в разных странах немного различается, все же обычно данные приводятся в разрезе сельскохозяйственных предприятий, частных фермерских хозяйств и сельских домохозяйств. Эти данные использованы для выявления хода приватизации земли, что будет обсуждаться ниже. Нередко сельскохозяйственные предприятия, являющиеся организациями-правопреемниками бывших колхозов, относятся к корпоративному сектору.

Динамика объемов производства и производительности

В этом разделе будут показаны различия на основе агрегированных показателей по пяти группам стран в соответствии с социально-экономическими и агроэкологическими критериями (табл. 1). Центральная Европа представляет собой образец успешных реформ, как указывали Суиннен и Розелл (2006). Прибалтика составляет отдельную группу стран-преемников Советского Союза, во многих отношениях приближающихся к Центральной Европе. Богатые земельными ресурсами страны СНГ объединены вместе с Казахстаном в группу стран степной зоны, поскольку они характеризуются схожими агроэкологическими условиями и производственными технологиями. Страны Закавказья и Центральной Азии представляют собой две отдельные группы: в первой преобладают неоднородные условия ведения сельского хозяйства со значительной долей многолетних культур, таких как сады и виноградники, а во второй — монокультуры хлопка и пшеницы на орошаемых землях. Приведенные ниже агрегированные показатели представляют собой средние показатели по группам, взвешенные по годовой пахотной площади в каждой стране, на основе данных ФАО.

Таблица 1. Группы постсоциалистических стран по доле обрабатываемых сельхозземель и занятых в сельском хозяйстве

Группа стран	Входящие в нее страны	Обрабатываемые сельхозземли, млн га, на 1992 год (%)	Занятые в сельском хозяйстве, млн чел. (%)
Центральная Европа	Чехия, Венгрия, Польша, Словакия	24,0 (10%)	5,7 (15%)
Страны Балтии	Эстония, Латвия, Литва	5,7 (2%)	0,8 (2%)
Европейские страны — члены СНГ и Казахстан	Беларусь, Молдова, Россия, Украина, Казахстан	208,2 (84%)	22,0 (60%)
Закавказье	Армения, Азербайджан, Грузия	2,9 (1%)	3,1 (9%)
Центральная Азия	Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан	8,1 (3%)	5,1 (14%)
Все страны		249,0 (100%)	36,7 (100%)

Источник: *Расчеты автора на основании статистики ФАО и МОТ*

Примечание. Данные по Чешской и Словацкой республикам за 1992 год отсутствуют, поэтому делаем допущение, что все показатели для этих двух стран оставались неизменными с 1992 по 1993 год.

Данные таблицы 1 указывают на концентрацию сельскохозяйственных ресурсов в европейских странах СНГ и Казахстане. Однако в ней также видно, что соотношение между долей занятых в сельском хозяйстве и долей обрабатываемых земель в Центральной Европе, Закавказье и Средней Азии выше, чем в первых двух группах стран.

За 30 лет успешных реформ общий объем сельскохозяйственного производства в странах Центральной Европы мало изменился (рис. 1). Очевидно, что эта группа стран в ходе первого десятилетия реформ меньше пострадала от потрясений переходного периода, связанных с реформированием цен, приватизацией, дезорганизацией и попытками восстановить эффективность отрасли, на что указывали, например, Суиннен и Розелл (2006: 28–49).

На рисунке 1 красная линия стран Центральной Европы разделяет две группы. Объем производства в Закавказье и Центральной Азии существенно вырос после первого десятилетия переходного периода и за двадцать последующих лет удвоился. Объем производства в странах СНГ и Балтии, напротив, резко упал. Европейским странам СНГ и Казахстану, на долю которых приходится основной объем сельскохозяйственного производства в исследуемом регионе, понадобилось четверть века, чтобы вернуться к уровню

М. Петрик

Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех?

производства советского периода. Страны Балтии пока даже не достигли уровня тех лет. Производство животноводческой продукции в этих странах так и не восстановилось (рис. 2). Ниже будут даны комментарии к этой ситуации.

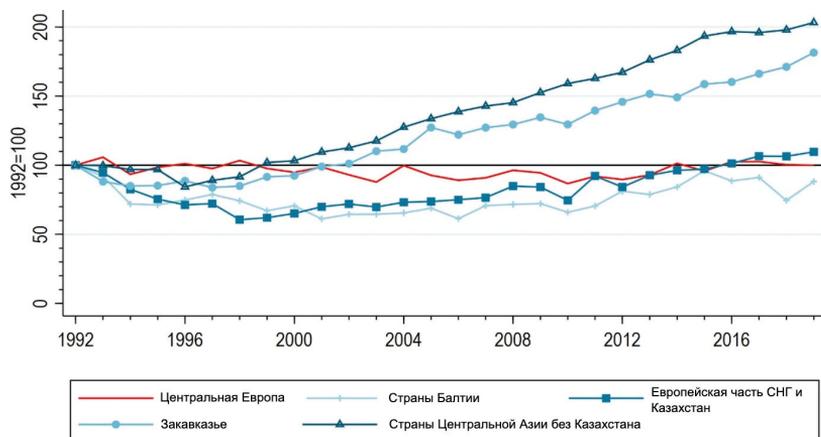

Рис. 1. Динамика валового продукта сельского хозяйства по группам постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: *Расчеты автора на основе данных ФАО*

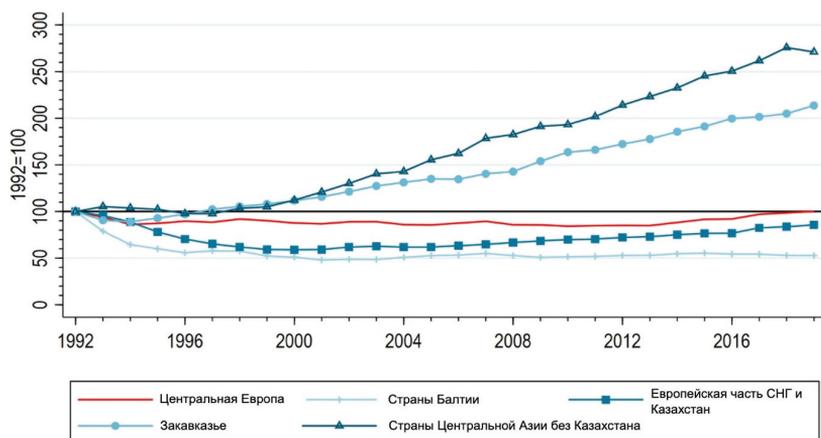

Рис. 2. Индекс животноводства в группах постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: *Расчеты автора на основе данных ФАО*

Что касается использования рабочей силы и, как следствие, производительности труда, картина выглядит совсем иначе. В Центральной Европе и странах Балтии наблюдались наибольшее сокращение работников сельского хозяйства и самый заметный рост

производительности труда (рис. 3). Также занятость в сельском хозяйстве резко выросла в Закавказье и Средней Азии, но эти страны сильно отстают по производительности труда. В европейской части СНГ и Казахстане темпы сокращения рабочей силы в последнее время возросли. Этой группе стран удалось догнать уровень производительности труда стран Центральной Европы лишь несколько лет назад.

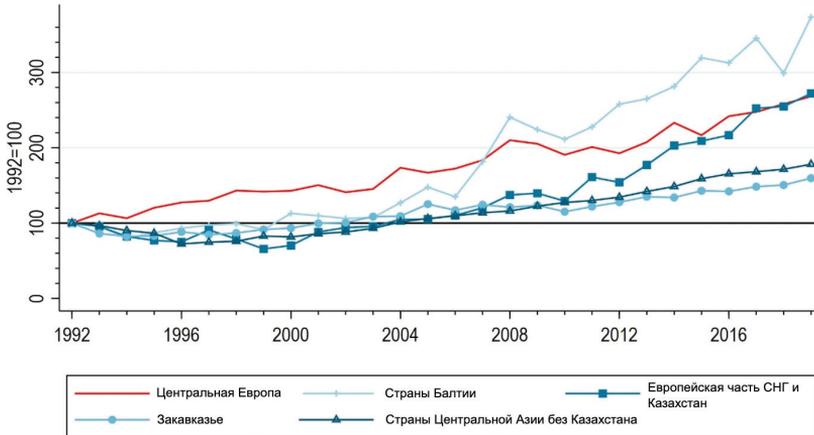

Рис. 3. Индекс производительности труда в сельском хозяйстве по группам стран

Источник: Расчеты автора на основе данных ФАО и МОТ

Приватизация земли и особенности возникших хозяйств

Использование термина «приватизация» для характеристики процесса распределения земель бывших колхозов отвлекает внимание от того факта, что производство продукции сельского хозяйства в личных «частных» хозяйствах жителей села было основой продовольственного снабжения в советский период на протяжении десятилетий (Wädekin, 1973). Именно поэтому официальная статистика в большинстве стран СНГ дополнительно выделяет отдельные категории хозяйств, с одной стороны, «частные», или «крестьянские» «фермерские» (sic!) хозяйства, которые возникли как новое явление в 1990-х годах, и, с другой стороны, сельские домохозяйства или личные подсобные хозяйства, которые существовали как категория и раньше. Но и в этом случае некоторые ученые без разбора присваивают ярлык «частное» или «мелкое фермерское хозяйство» целому набору различных хозяйственных практик, которые имеют мало общего.

К сожалению, статистика не всегда разграничивает товарные и натуральные хозяйства. В странах, где в структуре частных кре-

стьянских хозяйств в целом преобладают мелкие фермеры, решение о том, считается ли конкретное хозяйство фермерским или личным домашним, может быть чисто административным. Например, в Азербайджане индивидуальный сектор почти полностью представлен домашними хозяйствами (рис. 4).

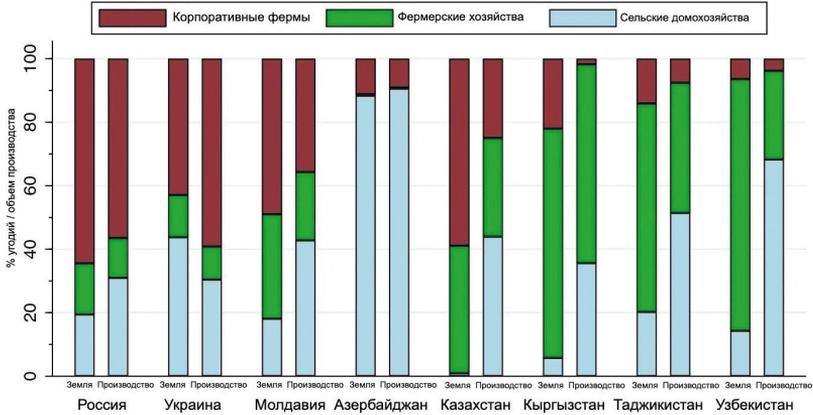

Рис 4. Сравнение структуры землепользования и структуры производства продукции сельского хозяйства по типам хозяйств

Источник: *Национальные статистические управления*

Примечание. Данные за 2019 год; для России, Молдовы и Кыргызстана данные за 2018 год.

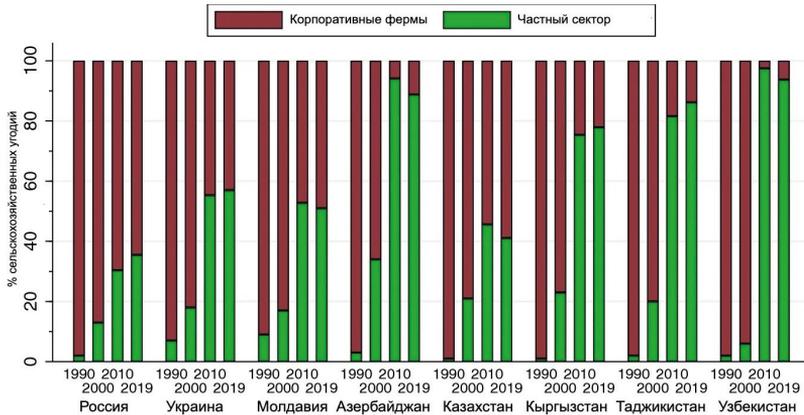

Рис. 5. Динамика землепользования по типам хозяйств, 1990–2019 гг.

Источник: *Национальные статистические управления (Lerman et al., 2004: 113) для 1990 и 2000 гг.*

Примечание. Индивидуальный сектор включает частные фермерские хозяйства и сельские домохозяйства. Земли сельхозиспользования оценены как посевные площади в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

С другой стороны, в странах, где земли много, отдельные производители могут владеть достаточно большими участками земли. Сельскохозяйственная перепись 2016 года в России выявила «крестьянские хозяйства», которые обрабатывают до 40 тыс. гектаров (Yanbykh et al., 2020: 27). Таким образом, во всем регионе СНГ «частные» производственные единицы варьируются от огородов в непосредственной близости от городских центров до коммерческих растениеводческих ферм, обрабатывающих в евразийских степях несколько сотен гектаров и нанимающих десятки рабочих (Pallot, Nefedova, 2007; Petrick et al., 2013).

Кроме того, приватизация не обязательно означает, что фермеры обладают полной свободой принятия решений и правами собственности на свои активы. Даже после полного распределения земель коллективного сектора между частными хозяйствами правительство или местные элиты продолжают контролировать производственные решения во многих странах. В большей степени это касается фермеров, а не домашних хозяйств. Производство хлопка в Таджикистане и Узбекистане представляют собой наиболее выраженные случаи такого контроля со стороны местных элит (Hofman, 2018; Veldwisch, Spoor, 2008).

Текущая статистика показывает, что сельские домохозяйства продолжают обрабатывать значительную долю земель почти во всех странах и вносят все еще заметный вклад в общий объем производства (рис. 4). Получается, что сельские домохозяйства демонстрируют более высокую производительность, чем другие типы хозяйств. Большинство аналитиков считают сектор частных (фермерских и домашних) хозяйств статичным, а между тем возникшие в последнее время частные хозяйства значительно увеличили свое землепользование и объемы производства. Поскольку в разрезе стран не имеется данных о товарности как фермеров, так и домашних хозяйств, мы используем агрегированные статистические данные по домохозяйствам и фермерским хозяйствам в категории «индивидуальный сектор», помня о ее значительной внутрэнной неоднородности.

Новейшие изменения в структуре хозяйств

Если вспомнить первоначальный замысел реформ, о котором говорилось выше, может возникнуть вопрос, почему же реформаторы в странах Центральной Европы не пошли по пути распределения всех земель коллективных хозяйств между частными фермерскими хозяйствами. Хотя и принято считать, что процесс приватизации в ходе земельных реформ прошел успешно, тем не менее значительная часть земель осталась в корпоративных хозяйствах. В странах Центральной Европы приватизация в основном проходила через реституцию — возвращение сельскохозяйственных угодий бывшим владельцам, а не через распределение прав собственности между работниками, как в странах СНГ (Lerman et al., 2004: 105–162). Реституция способствовала сохра-

нению корпоративных ферм, поскольку новые владельцы часто не собирались обрабатывать землю сами и поэтому сочли рентабельной сдачу ее в аренду существующим крупным фермам (Swinnen, Rozelle, 2006: 60–62). В течение общего хода экономических реформ в Центральной Европе руководители хозяйств вскоре столкнулись с жесткими бюджетными ограничениями и другими рыночными регуляторами. Подобные условия быстро сложились и в странах Балтии.

Рассмотрим страны, в которых реформы натолкнулись на большое число препятствий. На рисунке 3 представлены изменения в структуре производства в оставшихся трех из пяти группах (см. табл. 1) на примере восьми стран: Россия, Украина, Молдова и Казахстан представляют третью группу, Азербайджан — Закавказье (четвертая группа), Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан — Центральную Азию (пятая группа).

В первое десятилетие переходного периода, за исключением Азербайджана и в некоторой степени Кыргызстана, развитие фермерских хозяйств в регионе происходило медленно. На рубеже столетий этот процесс активизировался, причем не только в Азербайджане, но и во всех странах Центральной Азии. Исключение составил только Казахстан, где более половины земли осталось в корпоративных хозяйствах и, таким образом, развитие там пошло по такому же пути, как в основных европейских «житницах» — России, Украине и Молдове.

В ходе третьего десятилетия реформ существенных изменений в структуре землепользования не происходило. В некоторых из перечисленных стран корпоративные сельскохозяйственные предприятия продолжали расширять свое землепользование. Таким образом, крупные сельхозпредприятия, как и раньше, остались главными землепользователями в группе европейских стран СНГ и Казахстане. Заметим, однако, что сделанный некоторыми авторами вывод о «значительном сокращении количества мелких фермерских хозяйств», на наш взгляд, представляется преждевременным (Burkitbayeva, Swinnen, 2018: 89с).

Поскольку детальный обзор процесса реформирования аграрной структуры выходит за рамки доклада, остановимся лишь на наиболее важных моментах.

Из трех стран с наибольшими запасами пахотных земель — России, Украины и Казахстана — Россия добилась наибольшего прогресса в приватизации земли (Shagaida, Lerman, 2017). Однако в России, а также в двух соседних странах право собственности на землю продолжает переходить не исключительно путем передачи отдельных участков, а зачастую путем смены собственников целых хозяйств. Это привело к появлению так называемых агрохолдингов, то есть вертикально и горизонтально интегрированных хозяйственных конгломератов, которые контролируют огромные земельные площади, нередко в разных регионах (Rylko et al., 2008; Visser et al., 2012). В то же время отдельные фермерские хозяйства вышли за рамки сво-

ей роли нишевых производителей и получили признание со стороны правительства в качестве потенциальной стратегической силы развития аграрного сектора (Wegren, 2011; Petrick, Götz, 2019).

Украина пережила длительный период правовой неопределенности в ожидании отмены действовавшего с 1990-х годов моратория на продажу земли (Lerman et al., 2007). Нынешнее правительство разрешило рынок продажи земли летом 2021 года. Тем не менее тема прозрачности и контроля над этим рынком, а также моменты, связанные с концентрацией собственности, остаются под вопросом (Lara et al., 2015; Graubner et al., 2021).

И если украинцев беспокоит скупка земли российскими инвесторами, в Казахстане вызывает напряжение растущая активность китайских покупателей. В начале земельных реформ в 1990-х годах процесс перераспределения земель в Казахстане шел довольно быстрыми темпами, и поэтому введение в 2003 году нового земельного кодекса мало повлияло на реформирование хозяйств (Kvartiuk, Petrick, 2021). Агрохолдинги, нередко имеющие финансовые долги, контролируют большую часть пахотных земель в северных степных регионах. А сельское население, как представляется, одновременно широко поддерживает идею коллективных сельскохозяйственных предприятий (Petrick et al., 2013).

Обширное поголовье скота, ранее принадлежавшего колхозам, резко сократилось в самом начале реформ. Однако в последующие десятилетия животноводство увеличилось в хозяйствах населения, особенно в Закавказье и Центральной Азии. Мелкие землевладельцы имеют большую зависимость от доступа к пастбищам, который во многих странах остается плохо регулируемым (Robinson, Petrick, 2021: 23–36). Корпоративное животноводство стало подниматься лишь в последнее время, отчасти благодаря щедрой государственной поддержке (Nefedova, 2017; Petrick, Götz, 2019).

Стимулы и препятствия для осуществления реформ

На основе анализа начального периода реформ Суиннен и Розелл убедительно показали основные причины массового сокращения производства в европейских странах СНГ (Swinnen, Rozelle, 2006). В первые годы прибыли упали из-за ухудшения условий торговли вследствие ликвидации надбавок к цене производителя и субсидий. Более того, либерализация рынка вызвала значительные издержки из-за дезорганизации каналов сбыта, поскольку существующая сеть была разрушена и восстановилась далеко не сразу. В странах СНГ повсеместная неопределенность в отношении реформирования прав собственности ослабила стимулы в большей степени, чем в странах с переходной экономикой.

Последний аспект многие экономисты считали очень важным для последующего развития. За исключением Азербайджана и Кыргыз-

стана, земельная реформа во всех странах, упомянутых на рисунке 5, первоначально включала распределение земли с помощью выдачи свидетельств на паи, смысл которых нередко был не до конца понятен тем, кто их получил, и зачастую эти свидетельства не были привязаны к конкретным земельным участкам (Lerman et al., 2004). Рынки продажи и аренды земли развивались медленно, государство, как правило, формально оставалось владельцем сельскохозяйственных земель. Таким образом, компании, заинтересованные в использовании земли, столкнулись с ограничением прав у собственников и с трудом могли привлечь земли на законном основании.

Местные заинтересованные стороны и даже потенциальные бенефициары перераспределения активов и приватизации поддержали реформы гораздо меньше, чем в Восточной Азии. Наиболее вероятная причина заключается в том, что работники сельского хозяйства из стран бывшего Советского Союза опасались потерять субсидии на хлеб, социальные услуги, которые колхозы предоставляли своим работникам, доступ к значимым сельскохозяйственным технологиям, а также их пугали весьма вероятные риски работы в условиях рыночной конкуренции (Pryor, 1992: 265–290; Swinnen, Rozelle, 2006: 109–115).

Чиновники-бюрократы на местном уровне выступали против реформ по аналогичным причинам. Кроме того, распределение всей земли между фермерами могло лишить их политического влияния и привилегий. Используя свою власть для управления информационными потоками и проведения централизованно управляемых кампаний по деколлективизации, они иногда открыто манипулировали сельским населением, чтобы противостоять реформам (Allina-Pisano, 2008; Petrick, Carter, 2009).

На рубеже столетий рост цен на сырье и увеличение спроса на продукты питания в городах помогли российскому сельскому хозяйству вернуться на траекторию роста. Как в России, так и в Казахстане была увеличена государственная поддержка сельского хозяйства (Uzun et al., 2019; Petrick et al., 2017). Политические элиты в этих странах сохраняли большой интерес к торговле сельскохозяйственным сырьем и потому продолжали вмешиваться в ход реформирования с учетом своих интересов. В России сельскохозяйственные субсидии в основном получают агрохолдинги — крупнейшие сельхозтоваропроизводители, которые зачастую уже связаны с внутренними инвесторами из других секторов экономики (Uzun et al., 2019). Они также выигрывают от российской политики импортозамещения за счет более высоких внутренних потребительских цен (Sedik et al., 2018). Такое участие государства затрудняет оценку международной конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей. В то же время государственные субсидии почти не оказали сдерживающего влияния на массовую миграцию из сельской местности в города (Nefedova, 2017).

В Узбекистане подкрепленная политически заинтересованность в экспорте хлопка определяла политику реформ на протяжении большей части периода после обретения независимости (Veldwisch, Spoor, 2008; Djanibekov et al., 2012). Страна прошла целую серию этапов «оптимизации» и «кластеризации» хозяйственных операций, инициированных государством (Zorgu et al., 2019). В Таджикистане, несмотря на формально прошедшее реформирование сельскохозяйственных предприятий, хлопководство по-прежнему находится под большим политическим влиянием (Hofman, 2018).

Несмотря на продолжающееся политическое вмешательство, довольно впечатляющий рост производства в Центральной Азии и Закавказье, по всей видимости, происходит в значительно меньшей степени под воздействием политических стимулов, чем в европейских странах СНГ. Хотя данных для систематического анализа не хватает, рост населения сам по себе вызывает расширение землепользования, и подобные процессы уже давно наблюдаются на Глобальном Юге (Boserup, 1965). Отдельные данные свидетельствуют о том, что крестьяне в Центральной Азии все чаще практикуют улучшенные приемы растениеводства и повышают интенсивность выращивания на приусадебных участках и огородах высокотоварных культур, таких как фрукты и овощи (Mukhamedova, Pomfret, 2019). В Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане вклад домохозяйств в общий объем производства самый высокий в выделенной нами группе стран (табл. 1 и рис. 4). Также в этих странах наблюдается значительный рост поголовья скота и, соответственно, расширение производства продукции животноводства (рис. 2). В какой степени технологическая модернизация, например, новые сорта семян, улучшенная агрономическая практика, ирригационные сооружения или механизация, повлияла на рост производства, остается неясным и требует дальнейшего изучения.

Еще один малоизученный момент — это роль международных доноров в реформировании сельскохозяйственных предприятий, особенно в странах Центральной Азии и в Закавказье. Ц. Лерман и Д. Седик (2018: 910–911) показывают, как международное сообщество способствует глубокому реформированию и передаче земель колхозов и совхозов фермерским и домашним хозяйствам в Центральной Азии, лоббируя на уровне государственных органов власти и тем самым компенсируя отсутствие политического представительства у мелких землевладельцев. И. Хофман (Hofman, 2018) высказывает гораздо более осторожное мнение и описывает различные альтернативные стратегии, которые позволяют политическим элитам продолжать оказывать влияние на производственные решения и тормозить приватизацию даже вопреки международному давлению со стороны доноров.

Возвращаясь к утверждению, что передача земель коллективных предприятий в частные руки является ключевым фактором повышения производительности, сопоставим теперь динамику объемов производства и производительности с приростом числа фермерских хозяйств. На первый взгляд картина, представленная на рисунке 7, подтверждает идею о том, что чем больше земель переходит в частный некорпоративный сектор, тем выше производительность по сравнению с дореформенной ситуацией. Более того, половинчатость и медлительность в проведении реформ еще больше усугубляют ситуацию, о чем свидетельствует сокращение объемов выпуска продукции, наблюдаемое в середине горизонтальной оси. Но подтверждают ли эти цифры гипотезу о том, что приватизация земли является основной причиной роста производства? Представляется, что без учета других факторов производства на основании простой двумерной зависимости делать такой вывод преждевременно.

Действительно, если сравнить динамику занятости в сельском хозяйстве и процесс приватизации земли, напрашиваются совсем другие оценки. Как отмечалось ранее, затраты труда резко изменились за 30 лет (рис. 6). На графике на фоне роста приватизации появляются два четко различимых кластера стран (рис. 7). В Закавказье и Средней Азии коллективные хозяйства массово реформировались в небольшие частные хозяйства, и при этом наблюдался значительный рост аграрной занятости. В европейских странах СНГ и Казахстане корпоративные фермы остались ключевыми игроками, но там имело место резкое сокращение рабочих мест (см.: Nefedova, 2017). Таким образом, наряду с приватизацией земли в странах с наиболее высокими темпами роста производства значительно увеличились затраты труда.

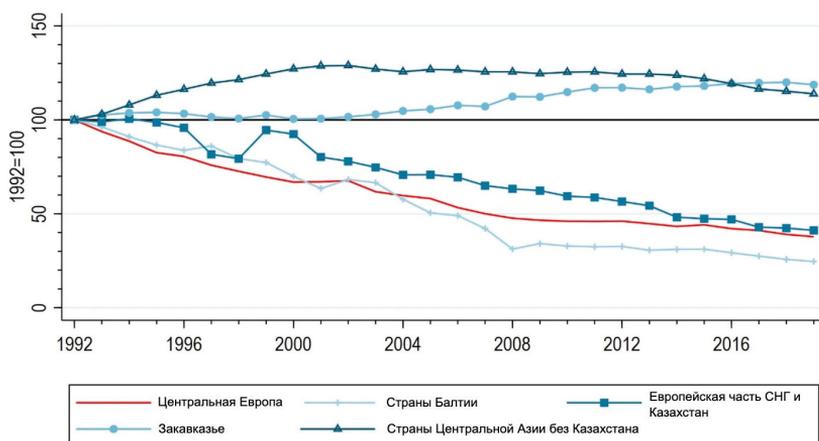

Рис. 6. Индекс использования рабочей силы в сельском хозяйстве по группам постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных МОТ

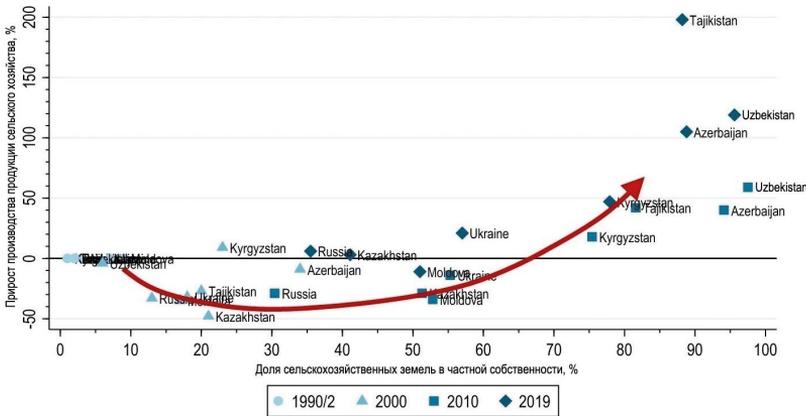

Рис. 7. Приватизация земли и динамика производства продукции сельского хозяйства (%), 1990–2019 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных ФАО

Примечание. При исчислении индекса производства за базу взят 1992 год. Приватизированный сектор включает фермерские хозяйства и личные хозяйства жителей села. Землями сельхозиспользования = посевные площади в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

Трудно сказать определенно, что именно обусловило рост производства в Закавказье и Средней Азии: приватизация или увеличение трудозатрат. Также следует принимать во внимание другие возможные факторы роста объемов продукции, такие как рост инвестиций или цен. Оздоровление коллективных хозяйств нередко включало замену рабочей силы капиталом, тогда как многие фермерские хозяйства в Закавказье или Средней Азии не имеют к нему доступа (см., например: Petrick et al., 2017).

Из-за недостатка данных я не могу провести здесь более полный анализ причин увеличения производительности. Но доступные количественные данные, представленные выше, тем не менее позволяют сделать некоторые предварительные выводы об общей роли приватизации земли и возникших фермерских хозяйств. В течение тридцати лет в постсоветских странах реформирование сельского хозяйства шло по двум основным направлениям (рис. 9).

В европейских странах СНГ и Казахстане около половины сельскохозяйственных земель, ранее принадлежавших колхозам и совхозам, перешло в собственность фермеров. В то время как внешние инвесторы реструктуризировали долги и модернизировали существующие корпоративные предприятия, во многих сельских районах наблюдался отток работников. Я называю этот путь «вестернизацией» постсоветского сельского хозяйства. Он указывает на известные процессы замещения факторов в ходе экономического развития. Также для эволюции сельскохозяйственного сектора в этой группе

стран, как и во многих западных экономиках, все больше характерным становится сосуществование корпоративных сельскохозяйственных предприятий и семейных ферм и их вертикальная интеграция в производственно-сбытовые цепочки (см., например: Sumner, 2014).

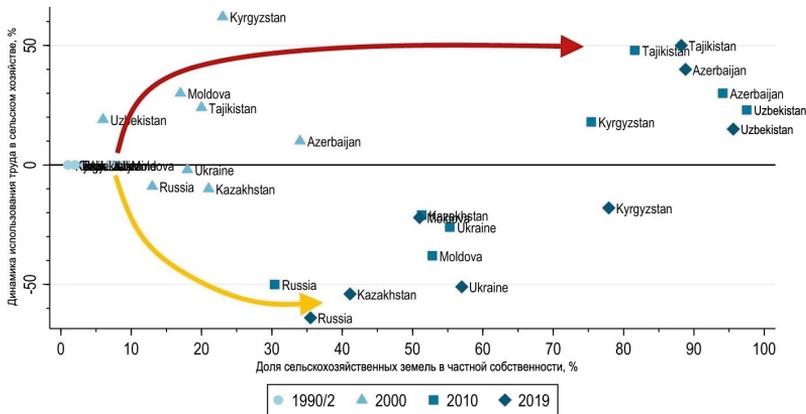

Рис. 8. Переход земель в частную собственность и динамика использования труда в сельском хозяйстве (%), 1990–2019 гг.

Источник: Данные национальной статистики и расчеты автора

Примечание. За базу индекса трудозатрат взят 1992 год.

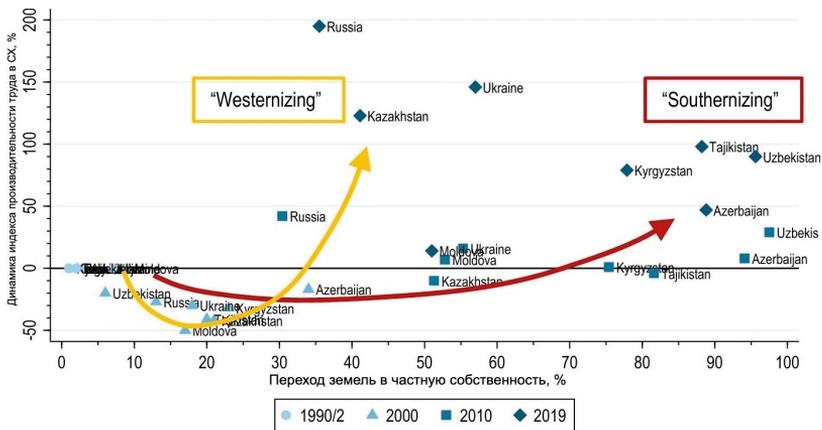

Рис. 9. Приватизация земли и изменение производительности труда в сельском хозяйстве (%), 1990–2019 гг.

Источник: Как на рисунке 2 и 3

Примечание. За базу изменения производительности взят 1992 год.

Напротив, в Закавказье и Центральной Азии произошел почти полный переход к частным фермерским хозяйствам. Однако отсутствие внешних экономических возможностей и высокий уровень ро-

ждаемости удерживают рабочих в сельском хозяйстве, если только они не мигрируют за границу. Поскольку капитал проникает в сельское хозяйство довольно медленно, рост объемов производства происходит за счет увеличения затрат труда вкупе с упомянутыми ранее преимуществами, которые возникают за счет приватизации земли и создания фермерских хозяйств. Спустя тридцать лет прирост производительности труда в сельском хозяйстве здесь оказался гораздо ниже, чем в странах, следующих по первому пути, в абсолютном выражении разрыв еще больше (рис. 9). Поскольку такая ситуация напоминает условия в сельском хозяйстве большей части стран Глобального Юга (Gollin et al., 2014), я называю этот путь «южанизацией», или «южной ориентацией» постсоветского сельского хозяйства.

Кроме сравнительно избыточной занятости и низкой производительности труда сельские районы в группе стран Закавказья и Центральной Азии демонстрируют и другие черты, присущие сельскому хозяйству в странах с низкими доходами. Остается проблемой сельская бедность в отдельных странах этой группы (Akramov et al., 2020). Контрактные отношения здесь характеризуются неформальным характером, патернализмом и асимметрией власти, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время многочисленные публикации об управлении ирригационными системами и землепользовании в Центральной Азии (см., например: Djanibekov et al., 2013; Mukhamedova, Pomfret, 2019).

Несмотря на различия между странами Закавказья и Центральной Азии, общей чертой для всех является устойчивость производства в сельских домохозяйствах. Во всех странах, рассматриваемых здесь, сектор домашних хозяйств можно охарактеризовать как преимущественно статичный, ориентированный на натуральное хозяйство, поэтому он и выдержал политические потрясения и экономические трудности (рис. 4). Таким образом, в сельских экономиках, реформирующихся по западному образцу, возникла сильно поляризованная структура сельхозтоваропроизводителей, которая уже существовала в советские времена (Sedik et al., 2018). В странах «южной ориентации» границы индивидуальных хозяйств часто размыты, их трудно определить эмпирически. Я считаю, что устойчивость сельских домохозяйств как производителей продукции является одним из объединяющих структурных элементов в регионе, который до сих пор в целом вполне соответствует своему названию «постсоветский».

Выводы

Превратились ли тридцать лет постсоветского реформирования сельского хозяйства в историю успеха? Если представить себе, что инициаторы реформ и приверженцы «теории семейных фермерских хозяйств» посетили сегодня страны постсоветского пространства,

они, вероятно, были бы удивлены, увидев, что корпоративные хозяйства по-прежнему (или снова!) играют ведущую роль в «житнице» евразийской степи. Надежды на то, что индивидуальные фермерские хозяйства победят во всем регионе, не оправдались. Причем некоторые эксперты указывали на это с самого начала. В сохраняющей свое значение монографии покойный Фредерик Л. Прайор (1992: 295) писал: «Рассматривая подъем и падение коллективизированного сельского хозяйства, я испытываю сильное искушение добавить знак вопроса после слова “падение”. Эта система капиталоемкого “помещичьего” хозяйства с использованием большого числа рабочих может сохраниться во многих странах, хотя и не так широко, как в 1980-х годах. Действительно, это может оказаться одним из непреходящих наследий Сталина».

Четкая цель «перехода» 1990-х годов уступила место более разнообразному набору траекторий, пункты назначения которых часто неопределенны.

Сегодня мы видим, что в европейских странах СНГ и Казахстане, на которые приходится 93% пахотных земель бывшего Советского Союза, на результаты реформирования в большей степени оказали влияние другие факторы, нежели преимущество стимулов к труду у работников семейных ферм. Отсутствие эффекта масштаба на низовом уровне производства на сегодняшний день оказалось более значимым для результатов реформирования. Доступ к корпоративному управлению, капиталу и политической поддержке, а также вертикальная интеграция сыграли решающую роль в траектории изменений, которую я называю «вестернизацией» сельского хозяйства.

И хотя реформирование в аграрном секторе в Закавказье и Центральной Азии почти достигло цели полной приватизации и передачи собственности на землю частникам, в этих странах сохранились факторы, которые очень мешают появившимся фермерским хозяйствам обрести достойную жизнь. По прошествии 30 лет в этих странах производительность труда в сельском хозяйстве намного ниже, чем в европейской части СНГ и Казахстане, и еще ниже, чем в странах Центральной Европы и Балтии, первыми вступивших на путь реформ. Деколлективизация в Закавказье и Центральной Азии в большей степени способствовала равномерному доступу сельского населения к производственным ресурсам. Однако то, что я называю «южанизацией» постсоветского сельского хозяйства, также содержит в себе риски аграрного перенаселения, усиления неформальной экономики и бедности, что занимает видное место в дискурсах развития на Глобальном Юге.

Описанные эмпирические модели, которые могут разочаровать западных вдохновителей реформ, стоявших у их истоков, хорошо согласуются с новейшими публикациями, в которых утверждается, что низкая производительность труда на небольших фермах является признаком нерационального использования ресурсов

(Adamopoulos, Restuccia, 2014). Ряд авторов полагают, что разрыв в производительности труда сгладится по мере общего роста экономики и ускорения урбанизации, а также увеличения размеров хозяйств (Gollin, 2018). Полученные нами данные о связи процессов корпоратизации, миграции населения из сельской местности в города и росте производительности труда в европейских странах СНГ подтверждают эти выводы.

Более того, недавно исследована роль успешных предпринимателей и показано, что они стремятся к укрупнению размеров хозяйств (Adamopoulos, Restuccia, 2014; Gollin et al., 2014; Sumner, 2014). Людям с хорошими менеджерскими способностями, по всей видимости, представляется непривлекательным управление небольшими фермами, так как доход, который такая ферма принесет, оказывается ниже их ожиданий, и поэтому они выбирают себе другую карьеру. В дискуссиях о путях реформ, которые велись в начале переходного периода, этот момент зачастую упускается. Но пока невелико число исследований роли предпринимательских способностей в постсоветском реформировании сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, лицам, принимающим решение, стоило бы перенести фокус своего внимания с укрепления прав собственности на землю на изменчивые рыночные факторы, в том числе и на рынке земли, которые позволяют лучше сочетать материальные ресурсы с человеческим капиталом. В перенаселенных сельских районах мелкие фермерские хозяйства являются в лучшем случае временным решением для смягчения экономических трудностей в отсутствие более доходных возможностей для трудоустройства за пределами сельского хозяйства. Ключевая задача правительств — поощрять и гарантировать создание экономических возможностей для всех — как внутри, так и особенно за пределами сельскохозяйственного сектора.

В данном докладе я обозначил некоторые заблуждения, которые можно найти в литературе о постсоветском реформировании сельского хозяйства. Приведенный здесь анализ опровергает представление о том, что все постсоциалистические страны стремятся к полностью индивидуализированному сельскому хозяйству. Следовательно, трансформирование колхозов в фермерские хозяйства само по себе не является фактором успеха, и это не то же самое, что гарантированные права собственности на землю. Частные, мелкие и семейные фермерские хозяйства — не одно и то же. Частные фермы в странах «западной ориентации» напоминают коммерческие семейные фермы в Америке или в странах Европейского союза, и нередко на них трудится значительное число наемных работников. В странах «южной ориентации» частные хозяйства обычно обрабатывают гораздо меньше земли в расчете на одну ферму и нередко используют значительную часть своих ресурсов на обеспечение членов домохозяйств продуктами питания.

Большинству стран СНГ, вероятно, еще предстоит пройти довольно долгий путь, прежде чем распределение земли, рабочей

силы и капитала согласуется с идеалом гибкого рыночного механизма и тем самым достигнет цели, часто высказывавшейся в дискуссиях о «переходе» к рыночной экономике на начальном этапе реформирования. За исключением того, что предполагалось такими авторами, как Д. Голлин (Gollin, 2018), земля обычно не переходит к более талантливому предпринимателю через гибкие и прозрачные договоры об аренде или продаже. Консолидация земли и капитала в руках более способных менеджеров часто происходит через политическое покровительство или контакты внутри замкнутой группы инвесторов, например, в случае агрохолдингов, или не происходит вообще, поскольку земельные рынки парализованы законодательными положениями или политическими ограничениями (Visser et al., 2012; Lara et al., 2015; Kvartiuk, Petrick, 2021). Удастся ли будущим реформаторам преодолеть эти препятствия, будет решаться в основном за пределами сельскохозяйственного сектора.

В заключение я выделил ряд направлений, продолжение исследований в которых могло бы помочь лучше понять и, возможно, придать форму все еще продолжающемуся реформированию постсоветского сельского хозяйства:

- Факторы, влияющие на повышение производительности в различных типах хозяйств на удивление мало изучены. Чем объясняется недавний рост производительности труда на российских предприятиях (несколько невнятно названный «неформальными техническими изменениями» (Rada et al., 2020)) или такой впечатляющий рост отдачи с гектара в Центральной Азии и Закавказье?
- Мало что известно о механизмах внутреннего управления, финансовых показателях и прибыльности корпоративных сельскохозяйственных структур на постсоветском пространстве. Учитывая широко распространенные практики явной или неявной государственной поддержки, международную конкурентоспособность крупного сельского хозяйства трудно оценить. Для всестороннего анализа необходимы методы исследований, отличные от традиционных обследований фермерских хозяйств или финансового анализа, и, возможно, нужны качественные социологические исследования с использованием партисипативных методов для того, чтобы выявить скрытые механизмы таких организаций.
- «Частный сектор» состоит из разнородной смеси производителей: некоторые из них ориентированы на товарное производство, а некоторые — на натуральное хозяйство. Требуется дальнейший микроанализ характеристик этих различных групп и траекторий их развития с течением времени.
- В будущем роль квалифицированных менеджеров в развитии сельскохозяйственного сектора будет играть определяющую роль для дальнейшего роста и занятости, а также

для его стратегической перестройки, например, в отношении животноводства или производства более ценных культур. Каким образом управленцы, не имеющие опыта работы в сельском хозяйстве, заработали состояние в этом секторе (Kvartiuk et al., 2020)? И как преодолеть негативные стереотипы об отсталости сельского хозяйства?

- Учитывая впечатляющий рост поголовья скота в Закавказье и Центральной Азии и возвращение темы животноводства в повестку дня аграрной политики в европейских странах СНГ, каковы движущие силы и перспективы этого возрождения? Какое влияние животноводство оказывает на средства к существованию в сельской местности и на окружающую среду?
- По сравнению с другими регионами мира роль международных доноров в реформировании сельского хозяйства привлекла недостаточно внимания со стороны независимых ученых на ранних этапах реформирования в европейских странах СНГ, а также в таких странах, как Кыргызстан или Таджикистан в последнее время. На что повлияла деятельность доноров и насколько хорошо она была согласована с местными участниками процесса или, возможно, им противодействовала?

References

- Adamopoulos T., Restuccia D. (2014) The size distribution of farms and international productivity differences. *American Economic Review*, vol. 104, no 6, pp. 1667–1697.
- Akramov K. T., Romashkin R., Park A., Ilyasov J. (2020) *Central Asia. IFPRI global food policy report 2020 regional developments*, Washington, DC: IFPRI.
- Allina-Pisano J. (2008) *The post-Soviet Potemkin village: Politics and property rights in the black earth*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Binswanger H. P., Deininger K., Feder G. (1995) Power, distortions, revolt and reform in agricultural land relations. *Handbook of development economics*, ed. J. Behrman and T. N. Srinivasan, vol. III, Amsterdam: Elsevier, pp. 2659–2772.
- Boserup E. (1965) *The conditions of agricultural growth: The economics of agrarian change under population pressure*, Chicago: George Allen & Unwin.
- Burkitbayeva S., Swinnen J. (2018) Smallholder agriculture in transition economies. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4, pp. 882–892.
- Djanibekov N., van Assche K., Bobojonov I., Lamers J. P. A. (2012) Farm restructuring and land consolidation in Uzbekistan: New farms with old barriers. *Europe-Asia Studies*, vol. 64, pp. 1101–1126.
- Djanibekov U., van Assche K., Boezeman D., Djanibekov N. (2013) Understanding contracts in evolving agro-economies: Farmers, dekhqans and networks in Khorezm, Uzbekistan. *Journal of Rural Studies*, vol. 32, pp. 137–147.
- FAO (2021) FAOSTAT database, <http://www.fao.org/faostat/en/#home>.
- Gollin D., Lagakos D., Waugh M. E. (2014) The agricultural productivity gap. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 129, no 2, pp. 939–993.
- Gollin D. (2018) *Farm size and productivity. Lessons from recent literature*, IFAD Research Series 34, Rome: IFAD.

- Graubner M., Ostapchuk I., Gagalyuk T. (2021) Agroholdings and land rental markets: A spatial competition perspective. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 48, pp. 158–206.
- Hofman I. (2018) Soft budgets and elastic debt: farm liabilities in the agrarian political economy of post-Soviet Tajikistan. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 7, pp. 1360–1381.
- Johnson D. G. (1993) Historical Experience of Eastern and Central European and Soviet Agriculture. *The agricultural transition in Central and Eastern Europe and the former U. S. S. R.* A World Bank Symposium, ed. A. Braverman, K. M. Brooks, C. Csaki, pp. 11–26, Washington, DC: World Bank.
- Kislev Y., Peterson W. (1982) Prices, technology, and farm size. *Journal of Political Economy*, vol. 90, pp. 578–595.
- Kvartiuk V., Petrick M. (2021) Liberal land reform in Kazakhstan? The effect on land rental and credit markets. *World Development*, no 138, p. 105285.
- Kvartiuk V., Petrick M., Bavorova M., Bednařiková Z., Ponkina E. (2020) A brain drain in Russian Agriculture? Migration sentiments among skilled Russian rural youth. *Europe-Asia Studies*, vol. 72, no 8, pp. 1352–1377.
- Lapa V., Gagalyuk T., Ostapchuk I. (2015) The emergence of agroholdings and patterns of land use in Ukraine. *Transition to agricultural market economies: The future of Kazakhstan, Russia, and Ukraine*, ed. A. Schmitz and W. H. Meyers, Wallingford (UK): CABI, pp. 102–110.
- Lerman Z. (1998) Does land reform matter? Some experiences from the former Soviet Union. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 25, pp. 307–330.
- Lerman Z. (2017) Privatisation and changing farm structures in the Commonwealth of Independent States. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 15–32.
- Lerman Z., Sedik D. (2018) Transition to smallholder agriculture in Central Asia. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4, pp. 904–912.
- Lerman Z., Csaki C., Feder G. (2004) *Agriculture in transition: Land policies and evolving farm structures in post-Soviet countries*, Lanham: Lexington Books.
- Lerman Z., Sedik D., Pugachov N., Goncharuk A. (2007) *Rethinking agricultural reform in Ukraine*, Halle (Saale): IAMO.
- Lipton M., Saghai Y. (2017) Food security, farmland access ethics, and land reform. *Global Food Security*, vol. 12, pp. 59–66.
- Mukhamedova N., Pomfret R. (2019) Why does sharecropping survive? Agrarian institutions and contract choice in Kazakhstan and Uzbekistan. *Comparative Economic Studies*, vol. 61, no 4, pp. 576–597.
- Nefedova T. G. (2017) Twenty-five years of Russia's post-Soviet agriculture: Geographical trends and contradictions. *Regional Research of Russia*, vol. 7, no 4, pp. 311–321.
- Pallot J., Nefedova T. G. (2007) *Russia's unknown agriculture: Household production in post-socialist Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Petrick M., M. R. Carter. (2009) Critical masses in the decollectivisation of post-Soviet agriculture. *European Review of Agricultural Economics*, no 36, pp. 231–252.
- Petrick, M., Götz L. (2019) Herd growth, farm organisation and subsidies in the dairy sector of Russia and Kazakhstan. *Journal of Agricultural Economics*, vol. 70, no 3, pp. 789–811.
- Petrick M., Wandel J., Karsten K. (2013) Rediscovering the virgin lands: Agricultural investment and rural livelihoods in a Eurasian frontier area. *World Development*, no 43, pp. 164–179.
- Petrick M., Oshakbaev D., Wandel J. (2017) More than pouring money into an ailing sector? Farmlevel financial constraints and Kazakhstan's 'Agribusiness 2020' strategy. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 103–118.

- Pryor F. L. (1992) *The red and the green: The rise and fall of collectivized agriculture in Marxist regimes*, Princeton: Princeton University Press.
- Rada N., Liefert W., Liefert O. (2020) Evaluating agricultural productivity and policy in Russia. *Journal of Agricultural Economics*, vol. 71, no 1, pp. 96–117.
- Robinson S., Petrick M. (2021) Trade-offs among sustainability goals in the Central Asian livestock sector: A research review, *SDGnexus Network Working Paper 01-2021*, Gießen: Center for international Development and Environmental Research (ZEU).
- Rylko D., Khranova I., Uzun V., Jolly R. (2008) Agrohholdings: Russia's new agricultural operators. *Russia's agriculture in transition: Factor markets and constraints on growth, rural economies in transition*, ed. Z. Lerman, Lanham: Lexington Books, pp. 95–133.
- Sarris A. H., Doucha T., Mathijs E. (1999) Agricultural restructuring in central and eastern Europe: Implications for competitiveness and rural development. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 26, pp. 305–329.
- Schierhorn F., Müller D., Beringer T., Prishchepov A. V., Kuemmerle T., Balmann A. (2013) PostSoviet cropland abandonment and carbon sequestration in European Russia, Ukraine, and Belarus. *Global Biochemical Cycles*, vol. 27, no 4, pp. 1175–1185.
- Schmitt G. (1991) Why is the agriculture of advanced Western economies still organized by family farms? Will this continue to be so in the future? *European Review of Agricultural Economics*, vol. 18, pp. 443–458.
- Sedik D., Lerman Z., Shagaida N., Uzun V., Yanbykh R. (2018) Agricultural and rural policies in Russia. *Handbook on international food and agricultural policy: Volume I: Policies for agricultural markets and rural economic activity*, ed. W. H. Meyers and T. Johnson, Singapore: World Scientific, pp. 433–460.
- Shagaida N., Lerman Z. (2017) Land policy in Russia: New challenges. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 33–50.
- Stiglitz J. E. (1993) Incentives, organizational structures, and contractual choice in the reform of socialist agriculture. *The agricultural transition in Central and Eastern Europe and the former U.S.S.R.* A World Bank Symposium, ed. A. Braverman, K. M. Brooks, C. Csaki, Washington, DC: World Bank, pp. 27–46.
- Sumner D. A. (2014) American farms keep growing: size, productivity, and policy. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, pp. 147–166.
- Swinnen J. F. M., Rozelle S. (2006) *From Marx and Mao to the Market: The economics and politics of agricultural transition*, Oxford: Oxford University Press.
- Uzun V., Shagaida N., Lerman Z. (2019) Russian agriculture: Growth and institutional challenges. *Land Use Policy*, vol. 83, pp. 475–487.
- Van Atta D. (ed.). (1993) *The "Farmer threat": The political economy of agrarian reform in post-Soviet Russia*, Boulder: Westview Press.
- Veldwisch G. J., Spoor M. (2008) Contesting rural resources: Emerging "Forms" of Agrarian production in Uzbekistan. *Journal of Peasant Studies*, vol. 35, no 3, pp. 424–451.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, pp. 899–931.
- Wädekin K.-E. (1973) *The private sector in Soviet agriculture*, Berkeley: University of California Press.
- Wegren S. K. (2005) *The moral economy reconsidered: Russia's search for agrarian capitalism*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Wegren S. K. (2011) Private farming in Russia: An emerging success? *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no 3, pp. 211–240.
- World Bank (1992) *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition, Studies of Economies in Transformation 1*, Washington, DC: World Bank.
- World Bank (2020) World Development Indicators database, <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. Accessed 04 Oct 2020.

- Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. (2020) Changes in Russia's agrarian structure: What can we learn from agricultural census? *Russian Journal of Economics*, vol. 6, no 1, pp. 26–41.
- Zorya S., Djanibekov N., Petrick M. (2019) *Farm restructuring in Uzbekistan: How did it go and what is next?* ASA "support to Agricultural Modernization in Uzbekistan", Washington, DC: World Bank.

Post-Soviet transformation of agriculture: A success after all?

Martin Petrick, PhD, Professor, Dean for Academic Affairs, Justus-Liebig-University Giessen (Germany); Visiting Researcher, Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) (Halle, Germany), Institute of Agricultural Policy and Market Research, Senckenbergstraße 3, Zeughaus 35390, Giessen, Germany. E-mail: martin.petrick@agr.uni-giessen.de

Lubov A. Ovchintseva (translator), PhD, leading researcher, Center for Agrarian studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 82 Vernadsky Prosp., p. 1, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

Abstract. In the presentation at the scientific seminar "Agrarian reform in the former USSR countries" of the Center for Agrarian Studies (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) on November 24, 2021, the author presented the results of the comparative studies of agrarian reforms in the post-Soviet countries. Based on an extensive analysis of scientific research and international and national statistics, the presentation explains changes in the reforming of the agrarian sector in various post-Soviet countries, identifies factors that determined changes in the initial tasks of reforms, and results achieved so far, some of which can be considered quite paradoxical. The author emphasizes the importance of both the institutional political paradigm as a basis of reforms and the prevailing branches of the agrarian economy, which inevitably determine an optimal economic direction for the development of the agrarian sector. The empirical analysis conducted by the author raises some questions that remain open, for instance, whether reforms can help to skip over a step in the agrarian evolution, or how sustainable are those economic forms that develop within a specific national economy.

Key words: results of agrarian reform, post-Soviet countries, results of land privatization, reorganization of collective farms, role of farms